

...достичь абсолюта, стремясь поднять, возвысить
достоинство своего мастерства.
Достоинство мастерового. Уровень качества.
Утерянный всеми, потому что не нужен
и заменён видимостью,
похожестью на качество...

А.А.Тарковский
из дневника, 2.06.1979

После конференции о профессионализме и любительстве снился мне сон... Словно ищущий в заголовке название проблемы (а тем определение ее сути) и высказывает: «Опыт преодоления опыта». Но почему так, пойму только в конце статьи...

В близости современного урбанизированного мира, где многие процессы уже не требуют явного участия человека, где связь между личным трудом и продуктом труда размывается, человеческий фактор всё чаще напоминает нам о себе. Не парадокс ли?

Елена Петрушанская,

музыковед
кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник
Государственного института
искусствознания,
Москва,
elena.petrushanskaya@gmail.com

Опыт преодоления ложного опыта

Значимость личной ответственности, то есть, во многом, истинного профессионализма, становится гарантом безопасности. Что же такое профессионализм? Как его понимали ранее? Почему его значения изменчивы, а подделки смертельно опасны не только «на производстве», в транспорте, а и в гуманитарной сфере?

И каково значение дилетантов в культуре, в движении человеческой мысли, в преодолении инертности опыта профессионалов? Где пределы любительства?

Об истории и изменчивости понятий

Изучение генезиса приближает к более глубокому пониманию сути. У слов профессионализм и дилетантизм латинские корни. Заглянем в этимологические словари: *professio* (от *profiteor*) — дело, искусство, упражнение, мастерство. Со времён Цицерона и Плиния, это и умение демонстрировать своё имя, исповедовать свою веру, хорошо выражать мысль¹, открыто заниматься определённой деятельностью². *Professare* — объявлять, публично выражать, манифестировать³; *professo* — «религиозный человек, сделавший какую-либо деятельность явной, важной» (XIV век) и «публичной» (что уточнил Сенека).

Для Данте публичность мастерства очень важна как грань индивидуальности, личной ответственности человека. Какая разница с прежней психологией коллективно-анонимной, цеховой деятельности! Именно Данте в 1321 году впервые назвал профессию «открытой демонстрацией некоего чувства (! Е.П.), веры, мнения»⁴. Позже цель профессии сформулировали в «банковских» терминах, материалистически, с акцентом на прагматике, первичности дохода: «ремесленная или интеллектуальная деятельность, приносящая заработок».

Словари утверждают, что термин *professionismo* впервые применил Антонио Грамши («условия, определяющие профессионалиста», 1937)⁵: но не след ли это коммунистической демагогии? Позже в трактовке термина проявилась негативная коннотация, в нём стали усматривать чрезмерную узость воззрения, механистичность, «аэмоциональность и внеинтеллектуальное послушание в работе»⁶. Произошло разделение на понятия «профессионализм» и «про-

фессиональность». Помимо особых качеств в занятии неким делом («постоянность, занятость, умелость, истовость и компетентность»), доминирует с 1958 года определение по сугубо материально-экономическому критерию: «профессионального характера любая экономическая (т.е. приносящая доходы) деятельность»⁷.

Любительству же предшествовал термин дилетантизм. *Dilettante* означает *studiosus* (исследующий, по-латыни) и *ad voluptatem tantum exercere* (по желанию, с любовью упражняющийся)⁸. Этимология исходных по корням слов выдаёт широкое поле значений. Ибо любитель не только простодушно любит то, чем занимается (во времена Апулея *dilector* — тот, кто любит, любитель, от *dilectio* — любовь). Любитель-дилетант, следуя значениям слова (*dilectus*), является избранным (*pueri dilecti Superis*, чистые души, избранные богами, по Овидию), прославляя бога гармонии, избирая его и становясь его фаворитом (*augur Apolineis dilectissimus*, по Стацию)⁹. Потому значения глагола *dilettare*, с конца XIII века — не только «испытывать удовольствие», но и давать его испытывать другим. Подчеркнув отсутствие экономической заинтересованности, Ф. Бальдинуччи в 1681 году так определил поле деятельности дилетанта: «культивировать искусство, науку или посвящать себя спорту не в интересах выгоды, а *per diletto*» (удовольствия, радости отдачи)¹⁰. Это ли не рай?..

Самостоятельное действие дилетанта придаёт смысл его занятию вне зависимости от практической цели или интересов прагматически-денежных. Он выбирает излюбленное¹¹, получает удовольствие от своей деятельности и совершенствуется в ней, развивает её бескорыстно.

В XVIII-XIX веках дилетантом называли человека, вольно занимающегося художествами не для выгоды. Подобную роскошь могли позволить себе обеспеченные дворяне, крупное купечество, высо-

¹ Bianchi E., Bianchi R., Lelli O. *Dizionario illustrato della lingua latina*. Firenze: Le Monnier, 1972. P. 1258

² Badellino Oreste. *Dizionario italiano latino*. Torino: Rosenberg & Seller, 1962. P. 1874.

³ Battaglia Salvatore. *Grande dizionario della lingua italiana*. Vol. XIV. Torino, 1988. P. 498.

⁴ Cortelazzo M., Zolli P. *Dizionario etimologico della lingua italiana*. Vol. 4. Bologna: ed. Zanichelli, 1985. P. 984.

⁵ Эта информация, наряду со всеми предыдущими характеристиками, содержится в «Il Nuovo Dizionario Etimologico della Lingua Italiana», составленного под эгидой М. Cortelazzo и П. Zolli (Seconda edizione. In un volume. Bologna, 1999. P. 1265).

⁶ *Professionalismo* // *Grande Dizionario della Lingua Italiana*. In cura di S. Battaglia. In XX volume. Vol. XIV. Torino: UTET, 1988. P. 501.

⁷ «Il Nuovo Dizionario Etimologico della Lingua Italiana». P. 1265.

⁸ Badellino Oreste. *Dizionario italiano latino*. Torino: Rosenberg & Seller, 1962. P. 687.

⁹ Bianchi E. e R., Lelli O. *Dizionario illustrato della lingua latina*. Firenze: Le Monnier, 1972. P. 468.

¹⁰ Il Nuovo Dizionario Etimologico della Lingua Italiana. P. 338.

¹¹ Bianchi E., Bianchi R., Lelli O. *Dizionario illustrato della lingua latina*. Firenze, 1972. P. 465

кое духовенство... Человек «из хорошего общества» обязан был рисовать, музицировать, владеть азами стихосложения — не только ради умения блеснуть эпиграммой или поддержать принятую в салонах игру в буриме, но и для развития ума и души. Не было при этом нужды подчинять свое вдохновение необходимости концертного или театрально-сценического производственного ритма. С конца XVII до последней трети XIX века длился период развития, расцвета и затем декаданса «высокородного дилетантства».

Профессионалы же — Иоганн Себастьян Бах, сочинявший музыку для церковной службы, Моцарт, писавший по заказам двора, Россини, Доницетти, — для оперного бизнеса, — находились в узде товарно-денежных

отношений с работодателями и были вынуждены «выдавать продукцию, товар».

В то же время слова дилетант, любитель, аматер характеризовали скорее негативные качества. То есть они означали «не знаток» (*inesperto*), середняк (*mediocrus*)¹²; «индивидуум поверхностный, ненадежный в отношении к работе, легковесный, недостаточно компетентный» (считали во времена Кардуччи), «легко схватывающий, но не глубокий» (определил Метастазιο и писатель Мандзони). Так называли профана (интересующегося, но далёкого от священного служения), который музицировал небрежно, подчас не следуя нотному тексту первоисточнику, а просто подбирая «по слуху» (впрочем, такое значение слова прослеживается со времен Гольдони)¹³. К концу XIX в. оно стало основным.

В таком ключе дилетантизм¹⁴ понимается как занятие религией, наукой, искусством, спортом для рассеивания, развлечения, в целях эгоистического и безответственного персонального удовлетворения. Иначе — времяпрепровождения, нередко сопровождаемого качествами легковесности, недостаточной компетентности¹⁵, а в художественных результатах — посредственного. И ныне негативный аспект преобладает над исторически предшествующими значениями термина. Нередко высокомерно-ограниченное отношение в эпоху воцарения «высоких стандартов» и повсеместных «форматов» а priori девальвирует достоинства деятельности дилетантов.

О границах и горизонтах исторического любительства

Но есть среди дилетантов в области разных художеств люди с изысканным эстетическим вкусом, компетентные. Так, поддерживают развитие искусств и наук коллекционеры: им присущ дилетантизм в образовании, однако коллекционирование формирует экспертов-

Опыт преодоления ложного опыта

¹² Badellino Oreste. Dizionario italiano latino. Torino: Rosenberg & Seller, 1962. P. 687.

¹³ Dilettante // Grande Dizionario della Lingua Italiana. Vol. IV. Torino: UTET, 1967. P. 439-440.

¹⁴ Характерно для развития и дальнейшей модификации этого важнейшего вида деятельности: в русском и немецком словарях есть два разных слова — дилетантизм и дилетантство, определяющие полосу явления, амбивалентного и очень важного также в наше время.

¹⁵ Dilletantismo // Grande Dizionario della Lingua Italiana. V. IV. P. 440-441.

любителей, нередко превосходящих «профессионалов». Недаром непрактичные «безумцы» способствовали осуществлению новых идей, были способны оценить смелость дерзаний, необычность в художественном творчестве, научных открытиях — всё, что опережало профессиональные «нормы» своего времени.

Ибо у дилетантов (в занятиях спортом, наукой, искусством) высок бывал уровень подготовки, технической «оснащённости». Любитель мог не отличаться от «профессионала» по уровню образования и степени владения музыкальным инструментом (как учившийся композиции у А. Сальери прекрасный виолончелист М. Виельгорский) и голосом (миланские дворяне, певучие братья Бельджойозо ценимы Россини, Листом, Беллини).

Вот лишь один пример обогащения поля профессионализма выходящего за его границы на данном этапе. В XX веке в споре о «дилетантстве» Михаила Глинки, признаваемого основоположником профессиональной русской композиторской традиции, смешались понятия — историческое и сопутствующее времени обсуждения¹⁶. В советское время часто отрицали принадлежность Глинки к дилетантам. Зная же важную роль любительства в искусстве и значение термина в XVII-XVIII веках, унижающего в его применении нет. Дело не в уровне композиторского таланта, мастерства, а в постоянстве творческого труда, погружённости в реальную культурную жизнь. И факты говорят: за долгую по тем временам жизнь (52 года) Глинка написал всего две оперы, а Беллини, не доживший до 35 лет, — более десяти широко известных и поныне оперных мелодрам. «Жизнь за царя» создана по творческим и по «политическим» причинам; её поставили «с условием не требовать за этот труд вознаграждения»¹⁷ (о том Глинке пришлось

дать официальную подписку в конторе театра). Опера о патриоте упрочила в отечестве позиции увлечённого национальной идеей до того времени странствующего дилетанта, помогла ему получить престижное место. С Глинкой музицирование в России вышло за пределы дворянского досуга. Е.В. Дуков считает, что «жёсткое давление общественного мнения (...) подчёркнутое высоким престижем людей, владеющих музыкальными навыками, существенно расширило круг нуждающихся в музыкальном образовании (...), социальная ситуация (...) способствовала воспроизводству дилетантизма и создавала основу для пополнения рядов высококвалифицированных профессиональных музыкантов (...) Наличие достаточно широкого круга хорошо подготовленных музыкантов позволяло композиторам в каком-то смысле обгонять время (...) Дилетанты как бы становились пропагандистами творчества своих современников...»¹⁸.

Они во многом сформировали картину современной им культуры.

В русской композиторской школе изначально царили «дилетанты». Благоприобретённое мастерство И. Даргомыжского, М. Балакирева, И. Бородина, М. Мусоргского — результат страстной любви к искусству, сосредоточенности на нуждах отечественной культуры в их понимании, плод самосовершенствования, оттачивания талантов, стилей, находок в кругу сторонников. У определивших лицо и развитие русской музыки не было связи с «рынком», «спросом», заказом — государственным или частным. Они не зарабатывали музыкой. «Профессионализм», как в планомерном, не спонтанном творческом труде, начинается с Антона Рубинштейна, Чайковского, Римского-Корсакова...

Схожее — в истории отечественной словесности. Андрей Битов считает, что вся русская литературная традиция непрофессиональна, настояна на высоком любительстве, ибо «писатели выдают ОБРАЗЦЫ, а не ПРОДУКЦИЮ»¹⁹. Но каждый уникален, не ориентирован на надёжный опыт, свод «правил» профессии. А тем прокладывает

¹⁶ Яростно защищая Глинку от обозначения «дилетантом», обвиняя «Виельгорских, Львовых» (они «легенду о дилетантизме Глинки поддерживали упорно» // Асафьев Б. Глинка. М., 1947. С. 32), Асафьев употребляет термин исторически некорректно, не учитывая значение дилетанта как аматера, а не артиста, «для которого музыка была профессией, службой, в «современном нам, уничижительном смысле» (Штейнпресс Б. Михаил Юрьевич Виельгорский, благодетель Глинки // Глинка. К 100-летию со дня смерти. М., 1958. С. 369).

¹⁷ Левашева О. Е. Михаил Иванович Глинка. В 2 томах. Т. 1. М., 1987. С. 253.

¹⁸ Дуков Е. Концерт в истории западноевропейской культуры. Очерки социального бытия искусства. М., 1999. С. 212, 215.

¹⁹ Битов А. Воспоминания о писателе Ю. Ковале // Ковальская книга. М., 2008.

Опыт преодоления ложного опыта

новые пути, определяет каноны искусства последующего периода, новые критерии и качества профессионализма.

Профессионализм как уровень качества и «ложные знаки»

Пожалуй, период, когда не только возможным, но желательным стало вытеснение этико-эстетических профессиональных критериев «классово-конъюнктурными», начался в России с Октябрьского переворота. Тогда идеология оправдывала отрицание фундаментальных знаний, подлинных умений. Специалистов, не потерявших память и честность требований (неслучайно в речи униженных до «спецов»), революция сочла своими врагами. Им, отлично подготовленным, со значительным профессиональным опытом предпочитали «революционный энтузиазм». «Кремлёвские мечтатели» искали панацею в союзе тотальной электрификации с советской властью. Один из ярких представителей пролетарского направления Арсений Авраамов считал, что «...полезно бывает стать над профсоюзными интересами во имя интересов классовых — рабочий класс не заинтересован в том, чтобы нынешняя махровая халтура, как некая «иммортель» цвела вечно, а наоборот... и в том окажет добрую услугу верный товарищ-машина»²⁰. Огульное дилетантское решение казалось гарантией демократичности в уравнивающей «машинизации»: в творчестве, исполнительстве, восприятии культуры.

В период застоя состоять на службе, работать «служащим» было всё равно, что изо дня в день воду в ступе толочь. Куда было приложить силы, творческие способности? Любительские увлечения спасительно отвечали потребности самовыражения личности. В том смысл внезапной популярности «хобби» — вплоть до торжества идеи высокого дилетантства у Булата Окуджавы. Но в те же времена существовали и страстно устремлённые к совершенству энтузиасты-трудоголики с их служением профессии как главной ценности бытия. Высоту цели призвания держали такие, как гениальный Андрей Тарковский: «...достичь абсолюта, стремясь поднять, возвысить достоинство своего мастерства. Достоинство мастерство-

²⁰ Авраамов А. Электрификация музыки // Советское искусство. 1928. № 1.

го. Уровень качества. Утерянный всеми, потому что не нужен и заменён видимостью, похожестью на качество» (из дневника, 2.06.1979)²¹.

За тридцать лет после той записи изменились и наше государство, и нравы, ушли в прошлое многие профессии и появились новые, и «должность» не гарантирует профессионального качества. «Ад профессионализма» таится в любой профессиональной сфере за частоколом правил, стандартов и канонов, показателей и отчётов. Без них, конечно, нельзя, они несут охранительную и контрольную функции. Но почему они становятся важнее содержания деятельности и покрывают отсутствие подлинного умения и знания традиций?

Профессионализм имитируется соблюдением внешней схожести и в образовании, в науке, когда реферат, статью, диссертацию важнее красиво оформить, снабдить объёмной, разноязычной (пусть нечитанной) библиографией, фамилиями влиятельных руководителей, оппонентов на титульном листе, договориться с критикой. Учёные степени давно потеряли вес в обществе из-за множества фальшивых внутрицеховых же апробаций.

«Дутые» знатоки с их некомпетентностью и внутренней безответственностью страшны не только в области медицины, средств общения, высоких технологий), но так же смертельны для бытия культуры.

Полоса царства некомпетентности в СМК

Экранная информация, вербальная и зрительная, даже получаемая «вскользь», обладает большим влиянием, впечатывается в сознание. Самое простое для манипуляторов от масс-медиа — использовать «публичных людей»: из их уст для телезрителей убедительно любое, пусть не подкреплённое фактами суждение. А уж в сочетании с ярким изображением категоричные утверждения, пусть лишённые намека на профессиональную осведомленность, вообще неотразимы! Недавний пример: медиа-кампания вокруг конкурса «Евровидение». Я умолчу о коммерческой ангажированности этого проекта, цель статьи другая. Но и о шоу

«Евровидение» нужны авторитетные суждения. А даже мастера эстрады высказывались не об особенностях песен, манере пения, а о факторах внешне-оформительских и идеологически-провокационных. Не указывали на примитивность песни, выбранной представлять Россию. Не нашлось профессионала, чтобы отметить источник удачи в песне А.Рыбака: зажимательный народный норвежский танец халлинг (известный миру по музыке Грига) в сочетании с мастерской скрипичной игрой талантливого и искреннего певца. Впрочем, усилиями господствующих профанов ныне музыкой зовутся лишь звуки эстрады, как если б едой считались одни чипсы, жвачка, водка и леденцы... О мире некоррупцированного искусства человеку трудно узнать в пространстве масс-медиа, лишённом профессионального мнения.

Если специалисты рассказывают на экране о живописи (она — капиталовложение, надо знать ориентиры), о театре (место, удобное, особенно на премьерах, для демонстрации туалетов), о художественной литературе (помимо школы — это экранизация без авторских выплат, упоминания в светском разговоре, намеки на культурный «багаж»), то невразумительное музыкальное искусство, в общем, оказалось нужно лишь... пожалуй, в похоронные дни. Но перекося шоу в урон явлений профессионально ценных преобразует публику СМК в пассивного потребителя, развращает и обманывает...

Как наращивать опыт профессионально-преодоления неправды? Власти обязаны быть заинтересованы в противодействии некомпетентности, должны поощрять, совершенствовать институт независимых экспертов. Тогда в обществе возрастёт забываемая «жажда истинности», поднимется цена и уровень профессионализма; сфера же любительства при этом не пострадает. Необходимы усилия каждого из нас для преодоления ложного опыта в восприятии мнимых ценностей. Нужны наши свобода и смелость, чтобы игнорировать виртуальные витрины.

Потому мы и заглянули в историю, в суть терминов: в том видятся спасительные поиски если не истины, то истинности, уважения к профессионализму и к любительству, веры в человека.

²¹ Тарковский А. Мартиролог. М., 2008.